

НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ

В ходе дискуссии об «агроэтнографии» А. С. Бежкович высказал несколько замечаний относительно моих работ по эволюции способов зимнего содержания скота у крестьян Европейской России¹. При этом он искажил содержание как моих, так и одной из своих прежних работ.

1. Я считаю, что в Европейской России, особенно в лесной зоне, стойловое содержание скота зимой у крестьян развивалось в XVI—XIX вв. главным образом из-за роста потребности в удобрении навозом (в связи с развитием паровой системы земледелия; не исключаю и влияния других факторов)². А вот как излагает мою мысль А. С. Бежкович: «В связи с дискуссией... был затронут вопрос о времени и причинах введения трехполья в русском земледелии. Необычное решение этого вопроса предложил А. А. Шенников, связав появление трехполья с началом строительства скотных дворов у народов Восточной Европы»³.

Здесь в двух фразах трижды искажено содержание моих работ. Во-первых, в моих статьях, известных А. С. Бежковичу, речь идет не о всей Восточной Европе, а о Европейской России без степного юго-востока. Во-вторых, я говорю не о скотных дворах вообще, а о стойловом содержании скота, что совсем не одно и то же (бывают скотные дворы без стойлового содержания скота, где животных держат под открытым небом или под навесами). В-третьих, в моих работах говорится не о распространении паровой системы земледелия вследствие развития стойлового содержания скота, а наоборот, о распространении стойлового содержания вследствие развития паровой системы. Вопрос о причинах распространения паровой системы вообще не затронут в тех моих работах, на которые ссылается А. С. Бежкович. Главную причину распространения паровой системы в крестьянском земледелии я вижу не в стойловом содержании скота, а в росте плотности населения. В этом я согласен с В. М. Суриновым⁴, и об этом сказано в одной из моих последних работ⁵.

Критика А. С. Бежковича относится, следовательно, к такому положению, которого я не высказывал. Я не принимаю эту критику на свой счет и поэтому ограничиваюсь лишь кратким письмом в редакцию, полагая излишним более подробный разбор аргументации А. С. Бежковича.

2. В статье А. С. Бежковича при изложении моей концепции примечания расположены таким образом, что ссылка на «Историю СССР с древнейших времен до наших дней» отнесена к моей фразе, не имеющей ничего общего с этой книгой, а мое изложение содержания «Истории СССР» по рассматриваемому вопросу представлено как моя оригинальная мысль. У читателя, которому некогда проверять ссылки, создается впечатление,

¹ А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 91—94.

² А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», сб. «Доклады отделений и комиссий Географического Общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 52—53; его же, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 103—104.

³ А. С. Бежкович, Указ. раб., стр. 91.

⁴ В. М. Суринов, Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования, «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г.», Таллин, 1971, стр. 288—297; его же, К определению этнических традиций в земледелии, «Сов. этнография», 1971, № 3, стр. 52—54. Я не согласен с мнением В. М. Суринова насчет этнических традиций в земледелии, но против его соображений о значении демографического фактора не возражаю.

⁵ А. А. Шенников, Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества», сб. «Этнография народов СССР», Л., 1971, стр. 78—79.

чатление, будто я противоречу мнению авторов «Истории СССР», в то время как на самом деле я на это мнение опираюсь⁶.

3. А. С. Бежкович упоминает «зимовники» украинцев-переселенцев в Казахстане («зимовники» — скотные дворы для подкормки и временного укрытия пасущегося в степи скота). Он уже писал о них в 1930 г. и тогда указывал, что «зимовники» имелись еще у запорожских казаков, а позже — у украинцев в Северном Причерноморье и на Кубани⁷. Это совершенно верно и было известно задолго до 1930 г.⁸ А теперь А. С. Бежкович пишет, что украинцы до переселения в Казахстан «на своей родине не были знакомы со строительством зимовников», и что «идею их строительства они позаимствовали у казахов». Это он пишет со ссылкой на свою статью 1930 г.⁹

Можно предположить, что А. С. Бежкович просто ошибся, неверно поняв и неточно изложив содержание моих работ. Я готов допустить, что упомянутая перестановка примечаний есть лишь случайность. Но чем объяснить неправильное изложение содержания своей собственной статьи?!

Не придавая чрезмерно большого значения этим ошибкам А. С. Бежковича, полагаю все же не лишним обратить на них внимание, так как они дезориентируют читателей и могут породить недоразумения при дальнейших исследованиях по затронутым вопросам.

А. А. Шенников

⁶ А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, стр. 91; ср.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 2. М., 1966, стр. 65, 106—108; т. 3, М., 1967, стр. 19—20; А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России, стр. 104.

⁷ А. С. Бежкович, Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии, «Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», вып. 16. «Серия казахстанская», Л., 1930, стр. 133—134.

⁸ См. краткий обзор литературы об этом: А. А. Шенников, Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества», стр. 84—86.

⁹ А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, стр. 93.